

Пролог

Когда я нашел Женщину, в голове у меня крутились страшные мысли. Весь месяц моим единственным компаньоном был пистолет, а они иногда говорят с тобой, эти пушки, если подолгу оставаться с ними наедине. Своим черным глазом пистолет наблюдал, как я брожу по пустому дому, как день за днем игнорирую коробки с вещами в коридоре. Он лежал на боку и осуждал, когда я пил. Расправившись как-то с половиной бутылки «Уайлд Теки»¹, я сказал ему: «Ну и что ты предлагаешь, умник ты сраный?» У пистолета на всё один ответ.

За день до того, как я нашел Женщину, кто-то опять разбил кирпичом переднее окно. В третий раз с тех пор, как я приехал в Багровое Озеро. В этот раз я не стал ничего заделывать, а просто поглядел на стекло и пошел к заднему крыльцу. Там я устроился и стал смотреть, как заходит солнце, освещающее красным

¹ Wild Turkey (англ. дикая индейка) — бренд бурбона из Кентукки. — Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

Кэндис Фокс. Багровое Озеро

болота и пляшущее на сером песке. Дом все равно разваливался, поэтому я и снял его по дешевке. Хотя, должен сказать, предыдущие жильцы потрудились над задним крыльцом: сделали крепкие перила и прочные ступеньки, да и забор из проволоки у края участка, отделявший меня от крокодилов, был целый.

Заборы мне не в новинку. Я привык смотреть на мир сквозь колючую проволоку.

По вечерам я сидел на крыльце и думал: может, бывшие жильцы тоже от чего-то прятались, может, их, как и меня, успокаивала уверенность в том, что ночь обязательно наступит. Липкость. Буйство насекомых. Крокодилы, начинающие рычать с приходом темноты, притаившиеся, скользящие по мокрой земле и чующие меня на крыльце.

Зажатый между местными мстителями и крокодилами, я будто снова очутился в тюрьме, но и это было неплохо, потому что было безопасно. Не нужно решать: бежать мне или нет, ведь здесь от своего преступления уже не убежишь. И вот тогда лежавший на сухом потрескавшемся дереве пистолет напомнил мне, что выход есть. Я смотрел на него, уже собираясь согласиться, и потягивал остатки бурбона, как вдруг услышал внизу, у забора, птицу.

Сначала мне показалось, что это лебедь. Птица издавала звук, совсем не похожий на птичий: какой-то визг вперемежку с кашлем, как будто в горле у нее застрял камень. Я бросился вниз по холму через длинную траву, и, к моему удивлению, с другой стороны забора ко мне подошла гусыня. За ней я разглядел рос-

Пролог

сыпь маленьких серых птенцов, неуклюже выющихся сзади, пока мать с трудом шла. Тут гусыня, видимо, передумала подходить ближе и попятилась назад, зашипела, размахивая большим белым крылом.

— Господи боже, ты что, спятила? — спросил я.

Со мной такое случается, когда выпью. Начинаю говорить со всем подряд. С пистолетом. С птицами. Хотя эта гусыня точно спятила — бродила раненая и упитанная по берегам кэрнских болот, кишаших крокодилами. Я окинул взглядом воду и открыл калитку.

Я еще ни разу ее не открывал. Въезжая месяц назад в этот обветшалый дом, я спросил у риелтора, зачем прежние жильцы вообще поставили тут калитку. Если только у них не было лодки — а ее, кажется, не было, — в воде их ждала верная смерть. Риелтор мне не ответил. Я неуверенно шагнул вперед, босые ступни провалились в илистый песок, забулькали крабовые норы.

— Иди сюда. — Я помахал птице, ухватившись за калитку. Гусыня в ответ захлопала крылом и гоготнула. Ее птенцы сбились в одну напуганную пушистую кучку. Я снова бросил взгляд на воду: она то и дело шла мелкой черной рябью, которая могла бы быть крокодильими глазами. Солнце село, пришло их время. — Да иди ты сюда, дура. — Я сделал глубокий вдох, рванул вперед и попытался ухватить птицу, но промахнулся, попытался заново и наконец схватил вверх тормашками этот клубок костей, перьев и лап с когтями. Она начала до крови щипать меня за нос, ухо и бровь. Гусята разбежались в разные стороны, визжа и гогоча, прямо как их мать, только по-детски. Я развернулся

Кэндис Фокс. Багровое Озеро

и забросил гусыню во двор. Птенцы суматошно кинулись следом, как будто их потянуло невидимой леской. Я захлопнул калитку, пробежал через участок и схватил с перил полотенце. Пистолет остался на ступеньках.

По дороге к ветеринару — гусыню-мать и птенцов я усадил в коробку — ее вой, этот душераздирающий крик о помощи, начал меня доставать, так что я крикнул:

— Господи, женщина, помолчи!

Видимо, с того момента ее и стали звать Женщиной.

В стерильном свете ветеринарного кабинета птица почему-то стала казаться мне меньше, она глазела со дна коробки на мужчину, открывшего нам дверь. Она с птенцами была единым целым, пыхтящим клубком взъерошенных перьев, сидящим в темноте. Наконец они умолкли. Я отошел подальше, чтобы ветеринар не учуял моего дыхания, но, судя по презрительному взгляду, который он бросил на меня, когда я кое-как припарковался и прошлепал по подъездной дорожке босиком, меня уже раскусили. Я сложил руки на груди в попытке не занимать своим крупным телом слишком много места в крошечной смотровой. Кажется, ветеринар меня не узнал, так что я рискнул заговорить первым, пока он вынимал сопротивляющуюся Женщину из коробки. Она вцепилась ему в воротник, и доктор поморщился.

— У нее одна лапа не ходит, — сказал я.

— Да. Похоже на перелом. Крыло тоже сломано.

Ветеринар помог гусыне принять естественную форму, чтобы она больше не выглядела как ходячий

Пролог

ночной кошмар: ее лапки постепенно оказались под круглым туловищем, а крылья легли ровно по бокам. Птица дико оглядела большими черными глазами комнату. Ветеринар слегка сжал ее, приподнял хвост и осмотрел пушистый зад.

— Так мне ее просто вам оставить, да? — Я хлопнул в ладоши, как бы подводя итог, и птица дернулась.

— Ну, это вам решать, мистер...

— Коллинз, — солгал я.

— Вам решать, мистер Коллинз, но вы же в курсе, что у нас нет ресурсов для благотворительного лечения?

— Хм, нет. Я не в курсе.

— Что ж, мы не можем вылечить эту птицу бесплатно.

Я почесал голову.

— Ну, я ее нашел.

— Так, — согласился ветеринар.

— В смысле, она не моя. Не домашняя.

— Вы уже говорили. — Ветеринар кивнул.

— Так вот, гусыня не моя, — я указал на Женщину и постарался говорить внятнее — вдруг меня поэтому не понимали. — И они тоже, — я показал на птенцов. — Я думаю, их... выбросили. Они брошенные. Разве вы, народ, не спасаете брошенных животных?

— Народ?

— Ветеринары.

Он долго на меня смотрел.

— Это не местный, не австралийский вид. Это серый гусь. Они одомашнены. Их сюда завезли. И, боюсь, служба спасения диких животных за нее тоже не возьмется.

Кэндис Фокс. Багровое Озеро

— Ну а что вы будете делать, — спросил я, — если я просто ее здесь оставлю?

Ветеринар снова бросил на меня взгляд. Я моргнул из-за слепящих ламп.

Их тихое жужжание заполняло комнату, словно газ.

— Господи, — сказал я. — Так, ладно. Бизнес есть бизнес. Нельзя же спасать всех за бесплатно. — Я вытащил бумажник и стал считать красные и синие купюры. — В какую сумму обойдется подлатать гусыню?

— В крупную, мистер Коллинз, — сказал ветеринар, снова сжимая Женщину у основания ее длинной стройной шеи.

Минус семь сотен долларов¹, и домой я ехал уже владельцем семейства домашних гусей. Меня тошнило и я дрожал, но не потому, что на счете теперь осталось всего пятьдесят девять долларов, а потому, что ветеринар заметил на кредитке мою фамилию. Конкаффи, не Коллинз. Это необычная фамилия, люди такое запоминают. А прошел всего месяц с тех пор, как ее крутили во всех новостях. Я видел, как он меняется в лице. Как морщинки вокруг рта углубляются, как он поднимает глаза. Тогда я схватил коробку с птицами и вышел, прежде чем увидеть выражение его лица.

Я был сыт этими взглядами по горло.

¹ 1 австралийский доллар равен приблизительно 0,67 доллара США.

1

Я не знал, что пришел Шон, пока надо мной не нависла тень. Дернувшись, я схватился за пистолет. Я уснул где обычно — растянулся на старом покрывале у стены на заднем крыльце. На мгновение я подумал, что на меня сейчас нападут.

— Жалкое зрелище, — сказал мой адвокат. За его спиной уже мерцал утренний свет.

— Ты похож на ангела, — ответил я.

— Что ты здесь забыл?

— Тут прекрасно, — вздохнул я, потягиваясь. Это была правда. Жаркие ночи на крыльце под москитной сеткой — словно мечта. Как и далекие раскаты грома. И смех детей, разжигающих костры на дальнем берегу. А старое покрывало было примерно той же толщины, что и матрас в изоляторе.

Шон огляделся в поисках стула, на который можно было бы посадить облаченный в дорогие ткани зад. Ничего не обнаружив, он подошел к ступеням, поставил на них стаканчики с кофе, снял с предплечья сумку и стал расчищать себе место. Несмотря на влажность, стоящую в Кэрнсе, образ Шона, как и всегда,

Кэндис Фокс. Багровое Озеро

дополняли вещи из шелка. Я подсел к нему, почесывая голову в попытке проснуться. Женщину с ее выводком я посадил в коробку: она стояла перевернутая на бок в углу, а полотенце служило им дверью. Услышав нас рядом, гусыня зашипела, и Шон резко обернулся.

— Только не говори, что...

— Это гусь, — сказал я. — Гусь серый домашний.

— Фух, я-то думал, там змея. — Схватившись за галстук, Шон выпрямил и разгладил ткань в несколько движений. — На кой черт тебе гусь?

— Вообще-то он не один. Но это длинная история.

— У тебя по-другому не бывает.

— А ты вообще что тут делаешь? Когда приехал?

— Вчера. Мне нужно в Кэрнс, так что решил заскочить. Один мой клиент, которого обвиняют в сексуализованном насилии, вышел под залог. Хочу уговорить его вернуться. Все бегут на север.

— Если нужно спрятаться, лучше ехать туда, где тепло.

— Верно. — Шон посмотрел на меня. — Я с хорошими новостями, Тед. Принес своему любимому клиенту не только приятную передачку, но и сообщение о том, что с сегодняшнего дня все его активы разморожены.

Седой мужчина протянул мне пакет. Внутри были пара книг в мягкой обложке и немного еды. Мне не хватило духу сказать Шону, что в доме нет холодильника. Еще в пакете лежал конверт с документами толщиной со словарь. Шон дал мне стаканчик с приятно пахнущим, но уже остывшим кофе. В радиусе двадцати минут езды от дома не было ничего, а уж тем

более — заведений, где делают кофе. Да и неважно. Страшные документы и холодный кофе не могли омрачить моей радости от встречи с Шоном. В Австралии был примерно двадцать один миллион людей, которые считали меня виновным. И один одетый в шелк адвокат, который был с ними не согласен.

— Предполагаю, в конверте что-то от Келли, — сказал я.

— Правки к договору о расторжении брака. Опять. Она придирается к формулировкам, просто тянет время.

— Как будто не хочет со мной разводиться.

— Нет, хочет посмотреть, как ты дергаешься.

Я глотнул кофе и посмотрел на болота. Местность была плоская, как стекло, а горы на другой стороне синели в утренней дымке.

— А насчет... — Я откашлялся.

— Нет, Тед. По поводу опеки ничего. Но ей некуда спешить, она может сделать это когда угодно.

Я потер подбородок.

— Может, отпустить бороду? — сказал я. Мы оба глядели на горизонт.

— Ты только посмотри на себя, — вдруг выдал Шон. — Я тобой горжусь. Ты одинокий тридцатидевятилетний красавчик, который начинает все заново: снял дом, завел питомцев. Да тебе живется лучше многих.

Я фыркнул.

— Бред.

— Серьезно! Это твой шанс начать все сначала. С чистого листа.

Я вздохнул. Шон был неубедителен.

Кэндис Фокс. Багровое Озеро

— Это сторожевые гуси? — поменял он тему.

Я на секунду задумался, пытаюсь понять, что он вообще имеет в виду.

— Нацисты использовали гусей для охраны концлагерей, — объяснил он.

— Правда?

— Можно посмотреть?

Я махнул рукой. Шон осторожно подошел к коробке, сел на корточки и стянул полотенце пальцами с аккуратно подстриженными ногтями. На нем были носки с узором «собачий зуб». Наверное, из шерсти альпаки. Из мрачных глубин послышался гогот Женщины. Шон засмеялся.

— Вау!

— Все живы? — спросил я.

— Похоже на то. — Шон бросил на меня взгляд. — Ты ищешь работу?

— Пока что нет. Мало времени прошло.

Гусята пищали и возились в коробке, скрипя когтями по картону. Шон оставил их в покое и сказал:

— Сделаешь мне одолжение?

— Возможно.

— Не познакомишься с одной местной девчонкой? Зовут Аманда Фаррелл.

— Я? *Познакомиться с девчонкой?* — Я смотрел на него в неверии.

— С женщиной. — Шон вздохнул и улыбнулся с извиняющимся видом. — Навестишь одну женщину в городе?

— Кто она?

— Просто женщина. — Шон пожал плечами.

— И зачем мне к ней идти?

— Столько вопросов! Хватит спрашивать. Просто сделай, что я сказал. Она пойдет тебе на пользу, вот и все. За ней не нужно ухаживать. Только познакомиться.

— Значит, это не в романтическом плане.

— Нет, — сказал Шон.

— Тогда какого хрена?

— Боже мой, Тед. — Он рассмеялся, а потом повторил слова, которые часто говорил мне во время подготовки к суду: — Я твой адвокат. Не спрашивай зачем, просто делай.

Я не стал ничего обещать.

Мы еще немного посидели, обсудили дела Шона в Кэрнсе и на сколько он еще тут останется. Шон в своих льняных брюках обливался потом. Коварное тропическое солнце уже обожгло его идеально ухоженный нос и теперь медленно поджаривало неосторожного сиднейца на влажном воздухе. Я успел обзавестись коричневатым загаром за месяц — пока бродил по участку или ходил до ближайших магазинов за бурбоном. Я надеялся, что рано или поздно смогу сойти за своего. Что никто не узнает во мне мужчину, который неделями красовался на обложке «Телеграфа» — широкоплечего упыря в костюме, опустившего бледное после тюрьмы лицо у зала суда. Да, борода сойдет, подумал я. И время. Мне понадобится много времени.